

Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов : конец XIX — начало XX веков / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 124—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-124-142.

Ivanov, A. A. (2018). Economic Policy in Caucasus Region in Assessment of Russian Conservatives: End of 19th — Beginning of 20th Centuries. *Nauchnyy dialog*, 6: 124-142. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-124-142. (In Russ.).

УДК 94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-124-142

Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков¹

© **Иванов Андрей Александрович (2018)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, SPIN-code 1560-9171, Researcher ID O-2946-2016, доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

Рассматривается вопрос отношения русских консервативных (правых) публицистов к экономической ситуации, сложившейся на Кавказе и в Закавказье во время царствования императора Николая II. Новизна исследования видится в том, что экономическое развитие региона впервые рассматривается через призму взглядов деятелей русского правого движения, всегда уделявших особое внимание этой окраине Российской империи. Освещаются представления правых о влиянии национально-религиозного фактора на экономическую ситуацию на Кавказе. Показано, что большое значение консервативные круги придавали экономическому положению русских поселенцев и мерам по поднятию их численности и благосостояния. Уделяется внимание взглядам консервативных кругов на господство иностранных компаний в нефтяной промышленности региона. Сделан вывод о том, что экономическая политика на Кавказе и в Закавказье рассматривалась правыми прежде всего с позиций национализма, а их экономические представления были подчинены политическим установкам. Показано, что, оказавшись в правой оппозиции к национальной и экономической политике российских властей на Кавказе, консерваторы не смогли предложить детально проработанных альтернативных программ, способных изменить ситуацию согласно их представлениям о благе этого региона.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)».

Ключевые слова: Кавказ; Закавказье; экономика; Российская империя; царствование Николая II; русский консерватизм; консервативная публицистика, национализм.

1. Введение

Кавказ и Закавказье всегда имели для Российской империи особое значение. Этот красивый, богатый, самобытный и, в то же время, неспокойный край, присоединение которого к России закончилось лишь в 60-х годах XIX века, неизменно привлекал к себе внимание не только поэтов, писателей и ученых, но и публицистов разных политических воззрений. Не остались в стороне и представители русского консервативного (правого) лагеря, уделявшие в своих публицистических работах немалое внимание национальной политике на Кавказе, сепаратистским и революционным движениям в этом крае, эффективности Кавказского наместничества, религиозной обстановке и экономической политике, проводимой здесь царским правительством. При этом если вопросы управления Кавказом и Закавказьем, как и его экономического развития в составе Российской империи, нашли отражение в ряде исследовательских работ [Бахтурина, 2004; Правилова, 2006; Северный Кавказ, 2007; Флоринский, 2010], то воззрения русского консервативного лагеря на данную проблематику специального внимания еще не уделялось. Между тем «кавказский вопрос» имел особое значение для русских правых конца XIX— начала XX веков и занимал на страницах консервативной прессы немало места. В рамках данной публикации предпринимается одна из первых попыток осветить взгляды консервативного лагеря на экономическую ситуацию, сложившуюся на Кавказе и в Закавказье в царствование императора Николая II, а также показать отношение русских правых к правительственной политике в этом регионе.

2. Представления правых о влиянии национально-религиозного фактора на экономическое положение Кавказа

Кавказ являлся и продолжает являться многоукладным и крайне перестрым в национальном и религиозном отношении регионом. В связи с этим один из авторов русского консервативного издания «Окраины России» писал: «...Кавказ, в объеме нынешнего наместничества, представляет совершенно искусственную единицу, возникшую по соображениям скорее стратегическим, чем племенным или культурным; и природа страны, и состав населения создают глубокое различие между Предкавказьем и Закавказьем, побережьями Каспийским и Черноморским, областями горцев и дольноземцев, территориями племен осетинского, армянского, гру-

зинского, лезгинского, татарского и других, опоясанных кольцом русского казачества (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — *А. И.*)» [А. Б., 1907]. Вместе с тем, как отмечал признанный в правых кругах эксперт по этому региону, видный консервативный публицист, редактор тифлисской газеты «Кавказ» (1897—1899) и один из учредителей Русского собрания В. Л. Величко, «Кавказ для нас не может быть чужим: слишком много на него потрачено всяческих сил, слишком много органически он связан с великим мировым призванием, с русским делом» [Величко, 1904, с. 1]. Но не только высокая цена, заплаченная Россией за присоединение Кавказа, определяла особое отношение русских правых к этому краю. У них не вызывало сомнения, что Кавказ и Закавказье имеют для страны большое военно-стратегическое, а также экономическое значение.

При этом, как было отмечено выше, публицистам не могла не бросаться в глаза неоднородность края, проявлявшаяся, помимо национально-религиозного фактора, и в хозяйственно-бытовом укладе местного населения. В. Л. Величко указывал на практически повсеместное отсутствие в регионе «домовитости и комфорта», являющегося в первую очередь следствием «исторической привычки» местного населения к постоянным набегам и нападениям, мешающей «расцвету мирной культуры и развитию так называемых буржуазных добродетелей» [Величко, 1904, с. 4—5].

В связи с этим большинство русских правых во многом связывали проблемы экономического развития Кавказа и Закавказья с национальным фактором. И если в их выступлениях и публикациях, посвященных экономической ситуации в Западном и Юго-Западном крае, довольно часто виновниками всех бед оказывались, помимо нерадивой российской администрации, поляки и евреи, то на Кавказе и в Закавказье эта роль, как правило, отводилась армянам. «На Кавказе, — писал Величко, — вопрос социально-экономический совпадает с племенным: буржуазия состоит почти исключительно из армян, составляющих на верхах этого класса сплоченную стачку <...> Многочисленные армяне-дельцы в течение многих веков практиковались в обходе, каких угодно законов и властных распоряжений <...> Все очутилось у них в кабале, не исключая большинства местных учреждений сверху донизу. Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи...» [Величко, 1904, с. 18]. Вердикт, вынесенный консервативным публицистом армянскому населению края, был категоричен: «элемент <...> чужой для нас и, в лице своей наступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа» [Величко, 1904, с. 21—22].

Надо отметить, что в своих негативных оценках армянской буржуазии Величко был не одинок. В начале XX века в русском правом лагере отношение к армянам во многом было сопоставимо с отношением к евреям, полякам, финнам и другим «нелояльным инородцам» [Жеденов, 2013, с. 26]. На «обарменивание» Закавказья, в частности, обращал внимание видный представитель русского консервативного лагеря историк Д. И. Иловайский [Иловайский, 1902]. Известный черносотенный политик В. М. Пуришкевич возмущался тем, что российские власти на Кавказе «опираются на тех, которые искони являются противниками русского влияния, русской мощи и русской силы, — опираются на армян» [ГД-3, 1908, стб. 2529]. А автор правого издания «Окраины России», укрывшийся под псевдонимом Эпигон, охарактеризовав армян как народ «чрезвычайно предприимчивый», выносливый, упорный и «очень способный», вместе с тем заключал: «Несомненно, чувствуя превосходство над своими соседями, хотя бы потому, что своим благосостоянием они обязаны исключительно самим себе и своим положительным качествам, они проявляют и некоторые поползновения к господству. Надо сознаться, что они не пользуются симпатиями окружающих их народов <...> Они на Кавказе выполняют почти ту же роль, что и евреи в центре России, с тою разницей, что евреи ограничены сильно в правах, а армяне имеют все, до права поступления на государственную службу включительно, следовательно, у них есть больше возможности использовать свои силы для порабления соседей» [Эпигон, 1907, 3 февраля].

Отношение к другим народностям Кавказа и Закавказья у правых публицистов было не столь категоричным. Консервативный публицист генерал А. А. Киреев, совершив поездку на Кавказ, отмечал, что «грузины ничем не отличались и не отличаются от русских» и являются «преданнейшими подданными царя» [Медоваров, 2013, с. 291]. В. Л. Величко называл православных грузин «основной, государственной народностью» края, близкой русским «по духу и по происхождению своей культуры»; а у «азербайджанских татар» (азербайджанцев) и горцев-мусульман (чеченцев, дагестанцев, ингушей) отмечал «благородство крови» и «стихийную, органическую» склонность к твердой самодержавной власти. В. М. Пуришкевич, выступая в Государственной думе, особо заявлял, что «наиболее консервативным, наиболее стойким, наиболее верным населением на Кавказе является мусульманское население» и что «если на Кавказе русской власти нужно на кого-нибудь опираться <...>, то нужно опираться только на мусульманское население» [ГД-3, 1908, стб. 2528].

Таким образом, для публицистов и политических деятелей из правого лагеря кавказские мусульмане по причинам политического и экономиче-

ского характера оказывались предпочтительнее армян-христиан (которые, впрочем, обычно рассматривались как еретики). Однако, как оговаривался тот же Величко, говоря о негативном политико-экономическом влиянии армян на Кавказ и Закавказье «необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии, невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников, т. е. от тех правящих армянских слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и соплеменных им неповинных простолюдинов». Да и среди армянских верхов, добавлял он, «несомненно, есть довольно значительный процент людей, в основе неплохих и виновных, главным образом, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной или, как они говорят (без всякого на то права), национальной идеи» [Величко, 1904, с. 58].

При этом виновником экономического преобладания армян на Кавказе и в Закавказье консервативные публицисты в значительной мере считали российские власти, допустившие такое положение дел. По мнению Величко, именно Кавказское наместничество «послужило подъему экономического могущества и племенному обособлению армян», а в особенности — кавказский наместник князь М. С. Воронцов, деятельность которого привела к «сильному повышению потребностей, подъему роскоши и шумной общественности». В результате этой российской политики «элементы, экономически не подготовленные, стали разоряться, а хищные, т. е. представители армянской буржуазии, — сильно богатеть на костях тщеславной знати, летевшей на огонь новых приманок» [Величко, 1904, с. 78—79]. Позже, с назначением Кавказским наместником графа И. И. Воронцова-Дашкова, такие же упреки посыпались и на него, так как граф оказывал армянскому населению края особое покровительство, полагая, что благодаря такой политике Россия приобретала «верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги» [Бахтурина, 2004, с. 209].

Под «тщеславной знатью», о которой писал Величко, в первую очередь подразумевались единоверцы-грузины. К ним русские правые относились лучше, нежели к армянам, однако и в отношении грузин звучала критика, в том числе и с экономических позиций. «В исконном социальном строе грузин, — писал Величко, — был весьма крупный изъян, за который им пришлось пострадать, да и еще, быть может, придется поплатиться, если не существованием, то, во всяком случае, благополучием целого племени: у них не было собственной буржуазии», в результате чего промышленную, торговую и ремесленную ниши на грузинских землях заняли армяне, «укрывавшиеся под защиту грузинского меча от мусульманских

преследований» [Величко, 1904, с. 28]. На это же указывал и автор «Окраин России», охарактеризовавший этот древний народ Закавказья как «вымирающее племя». «Материально они давно пошли под гору, — заявлял консервативный публицист, — уступая в этом отношении более энергичной национальности — армянам». И если Величко полагал, что главная причина поражения грузин в экономической борьбе с армянами заключалась в том, что «народ-воин» оказался бессилем одолеть в мирной борьбе «торговое племя», то автор «Окраин России» всю вину за это поражение возлагал на национальные черты картвелов. «Что же касается грузин, — писал он, — то отличительная черта их характера — лень и неспособность к упорному, усидчивому труду, отсутствие энергии, преобладание хитрости, лукавства и хвастовства» [Эпигон, 1907, 14 апреля]. В итоге, заключал публицист, «...богатые имения беспечных грузинских дворян одно за другим переходят в руки армянских крезов» [Эпигон, 1907, 3 февраля].

Бороться с таким положением вещей русские правые предлагали «умелым насаждением русской экономической силы», ибо только справедливое, но твердое вмешательство российской власти, как им казалось, способно было выправить опасную ситуацию. Российским властям не следовало отдавать экономическое господство в крае в руки отдельных этнических групп, вместо этого они должны были сами активно осуществлять экономическое развитие данного региона. Колумнист «Нового времени» и идеолог русского национализма М. О. Меньшиков в статье с говорящим названием «Чье государство Россия?» задавался риторическим вопросом: «Разве <...> русским колонистам <...> на Кавказе давали те же громадные наделы и те же льготы, что немцам-колонистам?» [Меньшиков, 1999, с. 75—76]. «Казалось бы, завоевав, наконец, опустошенный край, сказочно богатый, следовало отдать его в награду победителю, именно народу русскому, и никакому иному. Дорогой ценой было куплено это право — тяжкими трудами, жестокими увечьями и страданиями, мучительной смертью сотен тысяч русских людей. И что же? Завоеванный русскими Кавказ отдали другим народностям, а для русского переселения Кавказ закрыт...», — возмущался Меньшиков, отмечавший далее, что отвоєванные русской армией лучшие земли Кавказа достались немецким колонистам и переселенным на них турецким и персидским армянам. В итоге этой политики, констатировал публицист, «на Кавказе за 100 лет государство на завоеванных им пустопорожних землях поселило 1 200 000 инородцев и всего лишь около 240 000 человек русских, в том числе сельских переселенцев всего 140 000 душ» [Меньшиков, 1999, с. 255]. «Мусульмане, жители завоеванных областей, спрашивают не без горькой иронии. — “Где

же русские? Для кого же они нас завоевали?» Во всяком случае, не для себя, — писал, в свою очередь, Величко. — Мы видели храбрых русских солдат, а теперь видим только слабых и корыстных российских чиновников, зачастую не русских по происхождению. Ни ваших купцов, ни ваших хлебопашцев здесь не видно! Все армяне, наши вчерашние рабы. Нечего сказать! Стоило воевать, чтобы дать господство таким нехорошим людям!..» [Величко, 1904, с. 79—80].

Существующая же русская администрация на Кавказе казалась правым неспособной решить эту проблему. Помимо Кавказского наместника, виновниками выставлялись чиновники-либералы, заигрывающие с отдельными национальными группами вместо того, чтобы твердо проводить в крае русские интересы. «Правду сказать, — писал один из правых публицистов, — зло неустройства нашей окраины не может всецело падать на одного его (наместника. — *А. И.*). Слишком уж русский человек привержен к угодливости, и потому многие из высших чинов, в старании прослыть сверхлиберальными, изображают из себя космополитов и пересаливают в этом отношении. Отсюда понятно, что русские интересы, точнее — общегосударственные, не всегда бывают объектом их внимания...» [Эпигон, 1907, 13 января]. «Преступное отношение ко всему русскому, систематическое гонение русских людей, гибель, при благосклонном участии кавказской администрации, всех русских начинаний и предприятий», — так характеризовал политику местных властей правый националист, депутат Государственной думы Н. Н. Ладомирский, пугавший, что если так дело пойдет и дальше, перед русским народом встанет необходимость «вторичного завоевания Кавказа» [Националисты ..., 1912, с. 140—141]. «Наша неспособность управлять Кавказом доказана <...> блистательно», — утверждал А. А. Киреев [Медоваров, 2013, с. 291].

3. Экономическое положение русских поселенцев на Кавказе и меры по поднятию их численности и благосостояния

Отдавая себе отчет в том, что русское население на Кавказе составляет абсолютное меньшинство, правые были убеждены в том, что только русские способны объединить пестрое и враждующее население края в мирном труде, а потому первоочередная задача властей заключается во всемерном содействии расширению здесь русской колонизации, организации экономической помощи переселенцам и привлечении специалистов, способных поднять русское хозяйствование на высокий уровень [Трелин, 1907; Русский, 1907; Н. К., 1907]. Учитывая слабость переселенческого дела на Кавказе, некоторые правые даже предлагали усилить присутствие

русского элемента в регионе путем направления основного потока крестьян-переселенцев из европейских губерний России не в «неприветливую Сибирь», чьи земли предлагалось оставить для будущих поколений, а прежде всего в «благодатные земли Кавказа» [Иловайский, 1903].

Рассуждая о «несправедливом» характере ситуации, сложившейся на Кавказе, консервативные публицисты вынуждены были признать экономическую слабость русских поселений на Кавказе, а также то, что без протекционистских усилий со стороны властей русское население края будет не в состоянии составить конкуренцию преуспевающим в экономической жизни региона местным народностям. Отмечая, что передовой русской волной на Кавказе было терское и кубанское казачество, правые публицисты с горечью признавали, что, представляя собою «замечательное воинство», кавказские казаки в экономической области заметно отстали от предприимчивых армян. В вину русским поселенцам также ставилась их склонность к смешению с местным населением, от которого колонисты перенимали образ жизни и внешний вид. Это вполне естественное взаимообогащение культур воспринималось ими если не как измена русским национальным задачам, то как явная слабость. «Мы, русские, неумелые колонизаторы, и в этом смысле нам много надо учиться у англичан и восполнить то, что не дано нам природой», — говорилось в одной из статей [Эпигон, 1907, 13 января].

Любопытно, что в некоторых публикациях в пример русскому населению Кавказа ставились немецкие колонисты. «Удивительна способность русского человека променять свое на чужое во всякое время, — сетовал один из консервативных авторов. — Посмотреть хотя бы на немецкие колонии в Закавказье, существующие очень давно. Там вы встретите все немецкое, начиная с языка и кончая образом жизни, чистоплотностью и др. характерными национальными чертами. Напротив, русский человек перенимает (и даже гордится как бы этим) даже манеру говорить!» [Эпигон, 1907, 14 апреля]. Но при этом немецким колонистам русскими правыми очень часто ставилась в упрек именно их обособленность от местного населения. Так, например, за утверждением, что немецкие поселенцы «отличаются особым трудолюбием, терпением, честностью и аккуратностью», являются «прекрасными агрономами и скотоводами, живут <...> в довольстве, — многие даже в богатстве», тут же следовало примечание, что в немецких колонистах «нет широкой русской удалы, способной все перенимать и ко всему применяться», а также стремления к сближению с российскими подданными других национальностей, в результате чего «их умения и трудолюбие остаются при них и не прививаются к туземному населению»

[Бессарабия, 1903, с. 183]. Получалось явное противоречие: то, что одними правыми публицистами ставилось в пример русским колонистам, другими порицалось как негативная черта, свойственная колонистам-немцам.

Одной из причин недостаточности на Кавказе русских поселений в консервативной публицистике справедливо называлось отсутствие развитой дорожной сети. «Пора давно признать ту незыблемую истину, что для успеха поселения есть только один единственный прямой и верный путь — надо населяемую местность, прежде всего, обеспечить правильно построенной сетью путей сообщения, которые давали бы возможность населению сообщаться между собой и остальными частями государства», — отмечалось в одной из публикаций «Окраин России» [Н. К., 1907]. Для решения этой проблемы предлагалось связать все русские поселения шоссейными дорогами, уничтожить преграду между Кубанской областью и Ставропольской губернией, проложив дороги через Кавказские горы: железнодорожный путь от Армавира до Туапсе, а также шоссейные дороги от станции Невинномысской на Сочи и из Кисловодска на Романовск (Красную Поляну) с ветвями на Гагры и Баталпашинск (Черкесск). «Этими дорогами население Северного Кавказа будет связано с Черноморским побережьем, и по ним будут передвигаться нужные для Черноморского побережья: хлеба, корма, скот и т. п. Неизбежно будет передвигаться и избыток населения, часть которого может быть поселена вдоль этих дорог», — утверждал анонимный консервативный публицист [Н. К., 1907].

На проблему путей сообщения обращал внимание и В. Л. Величко, считавший соединение Закавказья с коренной Россией кратчайшим железнодорожным путем одной из важнейших мер по укреплению русского экономического влияния в регионе. По его мнению, российские власти допустили ошибку, построив в обход территории Кавказа не связанную с российскими губерниями Закавказскую железную дорогу, приведшую к «обособленному экономическому кровообращению обширного края» [Величко, 1904, с. 19]. «Русским капиталам, которые могли бы экономически связать окраину с центром, теперь, вследствие этого, уже более труден доступ к местному промышленному миру», — констатировал консервативный публицист, — «бакинской инородческой и иностранной промышленности» было предоставлено развиваться до «грандиозных размеров», а выиграли от строительства российской железной дороги «исключительно армяне, экономически захватившие в свои руки Баку и Тифлис» [Величко, 1904, с. 19—20]. «Если бы вместо Закавказской дороги, или хотя бы одновременно с ней, была проведена перевальная дорога через главный хребет к Тифлису, картина местной жизни, несомненно, была бы иной, гораздо

менее безотрадной с точки зрения русских национально-государственных интересов», — утверждал Величко [Величко, 1904, с. 20].

Кроме того, развитие путей сообщения должно было поднять и, как сказали бы сегодня, туристический сектор экономики Кавказа. Живописная природа, целебный горный воздух, минеральные воды и курорты, морское побережье — все это «чудное царство снеговых гор и райских долин» [Меньшиков, 1999, с. 255] должно было составить конкуренцию другим курортным районам империи. «Пусть русские люди без надобности не ездят за границу, — говорилось в одной из черносотенных брошюр. — Кто желает купаться в теплом море, пусть едет на южный берег Крыма, где не хуже и не дороже, а лучше и дешевле, чем в какой-нибудь Аббации. Кому велено пить целебные воды, пусть посетит северный Кавказ; его разнообразным источникам давно уже завидует западная Европа и только мы не умеем их ценить. Кто хочет только путешествовать, перед теми наша чудная Волга, живописная Кама, большая Грузинская дорога на Кавказе, весь Крым. И тогда сбережется для нашей независимости много русского золота» [Мухин, 1908, с. 23—24]. Однако и тут правые публицисты видели опасные тенденции. Как утверждал эксперт правых по окраинным вопросам, член Русского собрания А. П. Липранди (псевдоним А. Волынец), «Общество Черноморских курортов» контролировали бельгийцы, и именно они скупали земли в окрестностях Туапсе, Сочи и Адлера для дальнейшего устройства на них курортов. А раз так, то велика вероятность, что «русская публика будет ездить на эти “русские” курорты, думая, что она делает этим некое патриотическое дело, так как оставляет дома те миллионы, которые уплывают из него при посещении зарубежных курортов», а на деле «это будут те же “заграничные курорты в России”, и свозимое в них русское золото так же точно будет уплывать за границу, обогащая бельгийских акционеров» [Волынец, 1902, 15 августа].

4. Нефтяная промышленность Кавказа и ее «завоевание» иностранными державами

Особое внимание русских консервативных публицистов обращали на себя кавказские нефтяные месторождения. «С каждым годом становится все яснее, что нефтяные богатства России призваны играть великую мировую роль, что Россия обладает в них громадною экономическою силою для своего внутреннего и внешнего экономического могущества, и притом силою постоянною, поддающеюся более легкому управлению, чем вечно колеблющаяся сельскохозяйственная, фабричная и заводская промышленности. И что же? Вся эта могущественная богатая сила находится

в руках враждебных России иностранцев и инородцев!», — возмущался видный консервативный публицист, редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут [Грингмут, 1909, с. 133]. «Могущественным источником для обогащения» армян и «отчасти других инородцев» Д. И. Иловайский называл «нелегальный захват казенных нефтяных земель» [Иловайский, 1902]. В. Л. Величко, утверждая, что пионерами нефтепромышленности в крае первоначально были русские, высказывал возмущение тем, что их скоро вытеснили армяне и азербайджанцы: «Состояния в несколько десятков миллионов стали возникать с быстротой головокружительной. Вчерашний амбал, носильщик, нагрузчик с пристани, мелкий приказчик или более или менее заведомый контрабандист, получив от “своих людей” клочок украденной у казны нефтеносной земли, через несколько месяцев мог иногда купить совесть десятков служилых людей, необеспеченных, изолированных, лишенных нравственной и материальной поддержки. Поднялась целая вакханалия, которая с возрастающей силой продолжается до сих пор» [Величко, 1904, с. 80—81].

Крупные нефтяные компании Нобелей и Ротшильдов, по утверждению правых, обогащали исключительно себя, а не российское государство, ставя последнее в зависимость от крупных частных компаний. «...Если Ротшильд, — писал Грингмут, — обратит все нефтяное дело в России в свою личную монополию и будет назначать на всех внутренних и внешних рынках какие ему будет угодно цены на нефть, керосин и мазут, он действительно будет держать в своих руках нашу промышленность, наши железные дороги, наш торговый и военный флот, а косвенным образом, следовательно, и нашу сухопутную и морскую силу» [Грингмут, 1909, с. 133].

Не меньшую тревогу вызывало и то, что на кавказской нефти наживались иностранные промышленники, перекачивающие ее за границу, «в страшный ущерб внутреннему русскому потреблению» [Иловайский, 1902]. Ряд статей в «Московских ведомостях» посвятил этой проблеме А. П. Липранди. Публицист характеризовал положение в нефтепромышленности края как «мирное завоевание» Кавказа иностранными державами (в первую очередь, Великобританией) и превращение его в «какую-то иностранную колонию, в какой-то новый Трансвааль, подготовляемый себе Англией» [Вольнец, 1902]. Англичане, появившись на Кавказе в 1897 году, писал Липранди, быстро оценили нефтяной потенциал региона и стали скупать нефтедобывающие компании, превратив за несколько лет отечественную промышленность в «наполовину иностранную». В притоке иностранного капитала в российскую нефтяную отрасль консервативный публицист, в отличие от российских либеральных экономистов, не видел

ничего хорошего, так как полагал, что такое положение вещей больше служит обогащению чужих государств, а не России. По его оценкам, к началу XX века под контролем иностранцев оказалось три четверти нефтяных предприятий Кавказа и Закавказья (прежде всего, бакинская и грозненская нефтепромышленность). «В настоящее время в Грозном из семи нефтедобывающих фирм шесть иностранные, — утверждал Липранди. — <...> Из 35 миллионов пудов общей нефтяной добычи в Грозном, 33 миллиона принадлежит иностранцам, а из них 30 миллионов пудов англичанам. Таким образом, вся грозненская нефтяная промышленность, которой сулитя всеми такое блестящее будущее, уже отнята от нас англичанами» [Вольнец, 1902, 13 августа].

Обращалось внимание и на то, что экспорт кавказской нефти также оказался в значительной мере под иностранным контролем. По данным, приведенным Липранди, только одна российская фирма «А. И. Манташев и К^о» самостоятельно экспортировала нефтяные продукты на иностранные рынки, все же прочие доставляли свою продукцию лишь до Баку и Новороссийска, откуда их вывозили уже английские компании [Вольнец, 1902, 13 августа]. Д. И. Иловайский, выражавший недовольство «баснословными льготами» экспорту российской нефти, значительная часть дохода от которого отходила иностранным фирмам, отмечал: «Нефть, которая могла бы не только окупать наши расходы по Кавказу, но и давать еще значительный барыш, ничего этого не дает, и Кавказ все продолжает тянуть огромные суммы с русского центра на содержание администрации, войска, дорог и т. д.» [Иловайский, 1902]. В свете современных российских реалий с ценообразованием на топливо представляет интерес и такой упрек нефтяным компаниям, брошенный Иловайским: «При своих громадных барышах, нефтепромышленники мало думают о заграничной конкуренции с Америкой, и только повышают цену на керосин внутри России» [Иловайский, 1902].

Виновниками такого положения правыми выставлялись не только «иностранцы и инородцы», но и российская власть, допустившая такое положение дел. Как отмечал Грингут, государственная власть вместо того, чтобы использовать нефтяные богатства ради блага всей страны, не придумала «ничего лучшего, как предоставить эксплуатацию этого богатейшего золотого дна каким-то иностранным хищникам, довольствуясь взиманием с них до смешного скромной арендной или доленой платы, и предоставляя этим хищникам держать всю Россию под самым жестоким игом бессовестнейшей монополии!». «Государство, — продолжал публицист, — смотрит на свои нефтяные богатства лишь как на “доходную статью”, тогда как

на самом деле богатства эти являются источником не только государственных доходов, но и государственного могущества, и государственной независимости». Ввиду этого, заключал Грингмут, в России «может или должна существовать нефтяная монополия, но монополия эта может быть только государственною: она должна находиться в руках русского правительства, русской казны, а никак не в руках каких-либо, хотя бы и русских, откупщиков, не говоря уже об откупщиках иностранных, смотрящих на Россию, как на удобный объект для хищнической эксплуатации» [Грингмут, 1909, с. 134]. На это же указывал и лидер Союза русского народа, депутат III—IV Государственной думы Н. Е. Марков. «...Со стороны правительства, — говорил правый депутат с думской трибуны, — не было борьбы, несмотря на явные признаки злонамеренных покушений на достояние русского народа. Нефть, нефтеносные земли, они принадлежат казне, правительству. Правительство — собственник этих земель. Правительство — собственник нефти» [ГД-4, стб. 68].

В том, что в сфере нефтяной промышленности роль иностранного капитала неуклонно росла, консервативные деятели были правы. Как отмечает современный исследователь, если в 1893 году участие иностранного капитала в бакинской нефтяной промышленности составляло 16 % от суммы вложенных в нее средств, то за период 1898—1903 годов она уже равнялась 47,5 % от всей суммы капиталовложений, а к 1917 году была равна примерно 56 % [Косторниченко, 2005, с. 51—52, 67]. С 1890-х годов англичане неуклонно наращивали свое присутствие в нефтяной отрасли России и при этом действительно не создавали новых предприятий, предпочитая скупать обанкротившиеся российские фирмы. (К началу 1900-х годов англичане контролировали в России 24 нефтепромышленные компании [Косторниченко, 2005, с. 52]). Немалую помощь в этом им оказывала политика ненавистного русским правым С. Ю. Витте, который был сторонником привлечения прямых английских инвестиций в отрасль, видя в привлечении иностранного капитала средство борьбы с монополизмом. Но при этом правые публицисты умалчивали о том, что российская нефтедобывающая промышленность, за отдельными исключениями, показывала свою малую эффективность, и о том, что иностранный капитал сыграл немалую роль в реструктуризации убыточных отечественных предприятий, освоении новых российских месторождений и внедрении в эту отрасль передовых технологий, что не позволяет оценивать сам факт участия британского капитала в кавказских нефтепромыслах исключительно негативно.

Излишнее и опасное для национальной экономики присутствие иностранного капитала отмечалось правыми публицистами и в других хозяй-

ственных отраслях Кавказского края — добыче марганца, угольной промышленности, добыче серебра, меди, свинца и других металлов, лесной промышленности, сельском хозяйстве и даже в торговле минеральными водами, «этом недооцененном природном даре России» [Вольнец, 1902, 14 августа]. Помимо английских компаний, активно участвовавших в экономической эксплуатации Кавказа, также перечислялись германские, французские, бельгийские и американские фирмы. «Словом, — писал Липранди, — в обширном и богатом Кавказском крае нет уже, можно сказать, ни одной отрасли промышленной деятельности, в которой бы не орудовали иностранцы — в девяти случаях из десяти англичане. При этом заслуживает внимания тот факт, что все эти пришельцы являются здесь, как, впрочем, и во всей остальной России, не пионерами промышленности, а в буквальном смысле захватчиками ее: они явились и являются *уже на готовое дело*, не основывая, а лишь *приобретая* промышленные предприятия, основанные отечественными силами; отесняя последние, пришельцы снимают жирные пенки с приготовленных другими сливок» [Вольнец, 1902, 15 августа].

Выход из этой печальной, по мнению правых, ситуации виделся им в ужесточении законодательства в отношении иностранных компаний, жестком соблюдении уже принятых ограничительных мер и энергичной протекционистской политике государства. Н. Е. Марков, например, выступал за установление прямого государственного контроля над деятельностью стратегических ресурсных отраслей промышленности, контроля над производством и ценами, а в перспективе — за введение государственной монополии в нефтяной отрасли [Косторниченко, 2005, с. 80]. При этом консервативными кругами, как правило, указывалось на необходимость соблюдения строгой законности в исправлении «перекосов» в экономической жизни Кавказа. «Так как в современном государстве отнимать эти богатства нельзя, кроме законных случаев конфискации за доказанный мятеж или крамолу, — писал, например, В. Л. Величко, — то, значит, нужна продуманная экономическая политика, нужна культурная борьба. Пора бы русской предприимчивости применить свои духовные и материальные силы к южной окраине нашей. Пора этой созидательной мысли лечь в основу нашей окраинной государственной программы. Важны и усиление полицейской стражи, и подъем служилого уровня русских кавказцев, но все это паллиативы, которые назревшего вопроса не разрешат» [Величко, 1904, с. 115].

5. Заключение

Приведенные в статье цитаты из консервативной публицистики конца XIX — начала XX века хоть и не охватывают всех аспектов экономической

политики Российской империи на Кавказе и отношения к ней русского правого лагеря, тем не менее позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, экономические воззрения русских правых были тесно переплетены с политическими и подчинялись идеологическим принципам. В основе представлений русских консерваторов лежала не столько экономическая, сколько политическая целесообразность. Крайняя экономическая политика рассматривалась ими сквозь призму русских государственных интересов, понимаемых прежде всего как интересы господствующего русского народа. Любые явления окраинной экономической жизни оценивались консервативным лагерем с позиций русского национализма. Экономическое преобладание на той или иной окраине (в данном случае на Кавказе и в Закавказье) представителей нерусской народности или иностранцев воспринималось правыми как ошибочность государственной политики, недостаточная поддержка властью государствообразующего большинства и угроза «инородческого» или иностранного порабощения империи. В росте экономического влияния национальных меньшинств империи правые публицисты видели не успехи имперской экономической политики на окраинах, а ее поражение, результатом которого должно было стать выдвижение «инородцами» политических требований и стремление к обособлению. Экономическое отставание русского окраинного населения от более предприимчивых народов воспринималось правыми не как его поражение в честной конкуренции с представителями других национальностей, а как следствие продажности местных властей, отсутствие твердой протекционистской политики и нечестных методов экономической борьбы, практикуемых местными этническими элитами. Во-вторых, серьезную озабоченность правых вызывала недооцененность государственной властью нефтяного сектора экономики, фактически отданного в частные, в большинстве случаев иностранные, руки. Но, справедливо указывая на потенциальную опасность такого положения дел, консервативные публицисты были достаточно тенденциозны и однобоки, — обращая внимание на рост иностранного капитала на Кавказе и в Закавказье, они умалчивали о его прогрессивной роли в развитии отечественной нефтепромышленности и других отраслях хозяйства. В-третьих, представления русских консервативных кругов о том, какой должна быть экономическая политика в регионе, существенно расходились с мероприятиями российской власти, что ставило их в положение оппозиции справа. И последнее, на что важно обратить внимание, — консервативные публицисты и политики, критикуя правительственную политику на Кавказе, так и не смогли предложить детально проработанных альтернативных программ развития региона (за

исключением разве что дорожного строительства), ограничиваясь в большинстве случаев пожеланиями самого общего плана и довольно абстрактными призывами к «продуманной экономической политике», что заметно ослабляло их критику.

Источники и принятые сокращения

1. А. Б. Автономия окраин по воззрениям октябристов / А. Б. // Окраины России. — 1907. — 17 марта.
2. *Бессарабия* : географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / под ред. [П. А.] Крушевана. — Москва : Газета «Бессарабец», 1903. — 520 с.
3. *Величко В. Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы / В. Л. Величко // Полное собрание публицистических сочинений В. Л. Величко. — Санкт-Петербург : М. Д. Муретова, 1904. — Т. 1. — 346 с.
4. *Вольнец А.* [Липранди А. П.] Русский Трансвааль / А. П. Липранди // Московские ведомости. — 1902. — 13—15 августа.
5. ГД-3 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — 3152 стб.
6. ГД-4 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. — 2251 стб.
7. *Грингмут В. А.* Государственное нефтяное дело / В. А. Грингмут // Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. — Москва : Типография Императорского Московского университета, 1909. — Вып. 2. — 308 с.
8. *Жеденов Н. Н.* Гроза врагов русского народа / Н. Н. Жеденов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2013. — 704 с.
9. *Иловайский Д. И.* Дальний Восток / Д. И. Иловайский // Кремль. — 1903. — 11 октября.
10. *Иловайский Д. И.* Кавказ и другие окраины / Д. И. Иловайский // Кремль. — 1902. — 12 декабря.
11. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. — Москва : Журнал «Москва», 1999. — 560 с.
12. *Мухин С.* Россия для русских / С. Мухин. — Москва : Русская печатня, 1908. — 24 с.
13. *Н. К.* К вопросу о поселении русских на Кавказе / Н. К. // Окраины России. — 1907. — 7—14 июля.
14. *Националисты* в 3-ей Государственной думе. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1912. — 325 с.
15. *Русский.* Некоторые успехи в деле поселения русских на Кавказе // Окраины России. — 1907. — 16 июня.
16. *Трелин В.* Бедствия русских переселенцев в Грузинском экзархате / В. Трелин // Окраины России. — 1907. — 17 марта.
17. *Эпигон.* Письма из Закавказья // Окраины России. — 1907. — 13 января, 3 февраля, 14 апреля.

Литература

1. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2004. — 392 с.
2. *Косторниченко В. Н.* Иностраный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России : к разработке периодизации процесса / В. Н. Косторниченко // *Экономическая история. Обзорение* / под ред. Л. И. Бородкина. — Москва : Издательство Московского университета, 2005. — Вып. 10. — С. 46—68.
3. *Косторниченко В. Н.* К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. / В. Н. Косторниченко // *Экономическая история. Обзорение* / под ред. Л. И. Бородкина. — Москва : Издательство Московского университета, 2005. — Вып. 10. — С. 80—101.
4. *Медоваров М. В.* А. А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX — начала XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Медоваров. — Нижний Новгород, 2013. — 357 с.
5. *Правилова Е. А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917 / Е. А. Правилова. — Москва : Новое издательство, 2006. — 453 с.
6. *Северный Кавказ* в составе Российской империи. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 460 с.
7. *Флоринский М. Ф.* Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи / М. Ф. Флоринский // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. — 2010. — № 1. — С. 380—411.

Economic Policy in Caucasus Region in Assessment of Russian Conservatives: End of 19th — Beginning of 20th Centuries¹

© **Ivanov Andrey Aleksandrovich (2018)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, SPIN-code 1560-9171, Researcher ID O-2946-2016, Doctor of History, associate professor, Department of Newest Russian History, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

The article deals with the attitude of Russian conservative (right-wing) publicists to the economic situation in the Caucasus and Transcaucasia during the reign of Emperor Nicholas II. The novelty of the study is seen in the fact that the economic development of the region is firstly considered through the prism of the views of the Russian right-

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

wing movement, always paying special attention to this outskirts of the Russian Empire. The article highlights the right-wing's views on the influence of the national-religious factor on the economic situation in the Caucasus. It is shown that the conservative circles attached great importance to the economic situation of Russian settlers and measures to raise their number and welfare. Attention is paid to the views of conservative circles on the dominance of foreign companies in the oil industry of the region. It is concluded that the economic policy in the Caucasus and Transcaucasia was considered by the right-wing first of all from the standpoint of nationalism, and their economic ideas were subordinated to political attitudes. It is shown that, being in the right opposition to the national and economic policy of the Russian authorities in the Caucasus, the conservatives were not able to offer detailed alternative programs that can change the situation according to their ideas about the benefits of this region.

Key words: Caucasus; Transcaucasia; economy; Russian Empire; reign of Nicholas II; Russian conservatism; conservative journalism, nationalism.

Material resources

- A. B. 1907. Avtonomiya okrain po vozzreniyam oktyabristov. *Okrainyy Rossii*, 17 marta. (In Russ.).
- Epigon. 1907. Pisma iz Zakavkazya. *Okrainyy Rossii*, 13 yanvarya, 3 fevralya, 14 aprelya. (In Russ.).
- GD-3 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozyv III. Sessiya II.* 1908. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD-4 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozyv IV. Sessiya I.* 1913. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- Gringmut, V. A. 1909. Gosudarstvennoye neftyanoye delo. In: *Sobraniye statey Vladimira Andreevicha Gringmuta*. Moskva: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. 2. (In Russ.).
- Ilovayskiy, D. I. 1902. Kavkaz i drugie okrainy. *Kreml*, 12 dekabrya. (In Russ.).
- Ilovayskiy, D. I. 1903. Dalniy Vostok. *Kreml*, 11 oktyabrya. (In Russ.).
- Krushevana, P. A. (ed.). 1903. *Bessarabiya: geograficheskiy, istoricheskiy, statisticheskiy, ekonomicheskiy, etnograficheskiy, literaturnyy i spravochnyy sbornik*. Moskva: Gazeta «Bessarabets». (In Russ.).
- Menshikov, M. O. 1999. *Pisma k russkoy natsii*. Moskva: Zhurnal «Moskva». (In Russ.).
- Mukhin, S. 1908. *Rossiya dlya russkikh*. Moskva: Russkaya pechatnya. (In Russ.).
- N. K. 1907. K voprosu o poselenii russkikh na Kavkaze. *Okrainyy Rossii*, 7—14 iyulya. (In Russ.).
- Natsionalisty v 3-ey Gosudarstvennoy dume.* 1912. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. S. Suvorina. (In Russ.).
- Russkiy. Nekotoryye uspekhi v dele poseleniya russkikh na Kavkaze. 1907. *Okrainyy Rossii*, 16 iyunya. (In Russ.).
- Trelin, V. 1907. Bedstviya russkikh pereselentsev v Gruzinskom ekzarkhate. *Okrainyy Rossii*, 17 marta. (In Russ.).
- Velichko, V. L. 1904. Kavkaz. Russkoye delo i mezhduplemennyye voprosy. In: *Polnoye sobraniye publitsisticheskikh sochineniy V. L. Velichko*. Sankt-Peterburg: M. D. Muretova. 1. (In Russ.).

- Volynets, A. [Liprandi A. P.] 1902. Russkiy Transvaal. In: *Moskovskiyе vedomosti*, 13–15 avgusta. (In Russ.).
- Zhedenov, N. N. 2013. *Groza vragov russkogo naroda*. Moskva: Institut russkoy tsivili-zatsii. (In Russ.).

References

- Bakhturina, A. Yu. 2004. *Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoye upravleniye i natsionalnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917)*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Florinskiy, M. F. 2010. Tsentralnaya vlast' i Kavkazskaya administratsiya v sisteme upravleniya Rossiyskoy imperii. *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 1: 380–411. (In Russ.).
- Kostornichenko, V. N. 2005. Inostranny kapital v neftyanoy promyshlennosti dorevol'yutsionnoy Rossii: k razrabotke periodizatsii protsessa. In: Borodkin, L. I. (ed.). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 10. (In Russ.).
- Kostornichenko, V. N. 2005. K voprosu o natsionalizatsii otechestvennoy neftyanoy promyshlennosti v 1918 g. In: Borodkin, L. I. (ed.). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 10. (In Russ.).
- Medovarov, M. V. 2013. *A. A. Kireyev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
- Pravilova, E. A. 2006. *Finansy imperii. Dengi i vlast' v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh. 1801–1917*. Moskva: Novoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii*. 2007. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).